

Елена Анатольевна Ронина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода, Омск, Россия
e-mail: Elenaprofe@gmail.com

Мексиканское искусство ретаблос как источник лингвокультурных сведений о мексиканском национальном варианте испанского языка и культуре Мексики

Аннотация. В статье изучается мексиканское искусство ретаблос — вотивных картинок с текстом, подносимых какому-либо святому в благодарность за заступничество. Показано, что ретаблос содержат обширную лингвокультурную информацию об истории, особенностях религиозности, бытовой культуре Мексики. Тексты ретаблос демонстрируют просторечный характер используемых языковых средств.

Ключевые слова: лингвокультурология, социолингвистика, мексиканское просторечие.

Elena A. Ronina

Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Omsk, Russia
e-mail: Elenaprofe@gmail.com

Mexican Art of Retablos as a Source of Linguocultural Information About the Mexican National Variant of the Spanish Language and Culture of Mexico

Abstract. The article studies the Mexican art of retablos — votive pictures with text offered to a saint in gratitude for intercession. It is shown that retablos contain extensive linguistic and cultural information about the history, particular qualities of religiosity, everyday culture of Mexico. Texts of retablos demonstrate the vernacular nature of the language means used.

Keywords: linguoculturology, sociolinguistics, Mexican vernacular.

Введение (Introduction)

Искусство ретаблос составляет важную часть в мексиканской народной культуре и современном искусстве. В Мексике словом *ретаблос* (*retablo*) называют картинку с текстом, на которой изображается какое-нибудь несчастье, случившееся с человеком, а также святой или святая, к кому пострадавший обратился за помощью и эту помощь получил. Текст под картинкой описывает произошедшее и содержит упоминание о прямом обращении пострадавшего к святому с просьбой о помощи и словами молитвы и благодарности за защиту. Кроме описания ситуации, текст включает дату создания ретаблоса, место действия, имя донатора [1, p. 17].

Искусство ретаблос предоставляет обширный материал для лингвистов, лингвокультурологов и теоретиков перевода. Ретаблос содержат в себе массу лингвокультурной информации о реалиях, исторических событиях Мексики, особенностях религиозных верований, о повседневной жизни и бытовой культуре мексиканцев.

Изначально искусство ретаблос было народным, что проявлялось в наивной стилистике картинки. Тексты к картинкам писали простые люди, поэтому в них отражается

просторечный регистр мексиканского национального варианта испанского языка на всех уровнях. В современную эпоху ретаблос создаются профессиональными художниками, но по канонам жанра как в рисунке, так и в тексте. Иными словами, авторы современных ретаблос стилизуют свои произведения, делая их как бы народными, подлинными. Тексты современных произведений пишутся как стилизации живой народной речи, что позволяет лингвистам продолжать использовать эти тексты как источник сведений о просторечном регистре мексиканского варианта испанского языка. Рассказы под картинками ретаблос полны просторечных единиц разных языковых уровней. Ошибки и гиперкоррекция в орфографии, отражающие на письме особенности мексиканской просторечной фонетики, просторечная и диалектная лексика, просторечные словообразовательные элементы, грамматическое просторечие — все эти языковые явления находят отражение в текстах ретаблоса.

Методы (Methods)

В этом исследовании ретаблос изучаются с позиций лингвокультурологии, социолингвистики и переводоведения.

Лингвокультурология применяется для выявления лексических мексиканизмов (реалий в терминологии переводоведения), т. е. лексических единиц, называющих специфические культурные явления Мексики. Изучение текстов ретаблос проводится в параметрах социолингвистики, что позволяет показать их просторечный характер. Теоретическое переводоведение привлекается для обсуждения проблем перевода таких реалий, как мексиканизмы или имена святых.

Литературный обзор (Literature Review)

Мексиканские ретаблос до сих пор не попадали в поле зрения отечественной лингвокультурологии. Научных работ по этой теме на русском языке обнаружить не удастся.

В зарубежном искусствоведении, социологии, лингвокультурологии и лингвистике мексиканское искусство ретаблос изучается с различных точек зрения: особенности народной религиозности [1; 2], отражение мексиканской истории в ретаблос [3], интертекстуальность дискурса ретаблос [4], поликодовость текста ретаблос [5] и др. Собственно языковая составляющая мексиканских ретаблос также не является объектом специального изучения — исследователи обычно ограничиваются замечаниями о наличии большого количества ошибок в текстах. Поэтому целью настоящей статьи является анализ просторечной природы языковых средств мексиканского национального варианта испанского языка, используемых в текстах ретаблос.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Рассмотрим некоторые примеры проявления просторечности на разных языковых уровнях в текстах ретаблос.

Просторечные отклонения от нормы на фонетическом уровне отражаются на письме. Зияния [ea], [eo], [oa], [oe] подвергаются дифтонгизации, переходя соответственно в дифтонги [ia], [io], [ua], [ue] [6, p. 70–71]. Типичный случай такого сужения гласного е в i наблюдается в суффиксе -ear глаголов.

«Спасибо, Богоматерь-смуглянка, за то, что Марсела больше не хочет отбелить кожу с помощью кремов, которые говорят, что они сделают ее светложерой. Я горжусь, что я смуглая, как ты, а теперь и Марсела тоже, и я очень благодарна» (здесь и далее перевод наш. — Е. Р.). Нормативная форма глагола *отбеливать* — *blanquear*, в тексте ретаблос написано *blanquiar*.

В тексте присутствует также просторечный мексиканизм *güera* (написанный без диакритического знака, на которые носители просторечия, т. е. люди с недостаточным уровнем образования, вообще не обращают внимания). В результате нескольких веков метисации мексиканского населения, происходившей в силу различных исторических причин, в мексиканском испанском наблюдаются многочисленные лексемы — названия групп населения по цвету кожи и этническому происхождению. Слово *güera* обозначает белую женщину с европейским типом внешности.

Еще одно просторечное явление, отраженное в тексте этого ретаблос, — употребление личных имен собственных с определенным артиклем: *la Marcela*. Нормативная грамматика не допускает артиклей перед именами собственными, за исключением некоторых топонимов, например *El Salvador*. Носители просторечия и молодежного жаргона с помощью определенного артикля перед личным именем создают коннотативное значение «наша Марсела», «та Марсела, о которой мы говорим / которую все мы знаем».

В соответствии с нормой, принятой в Испании, в положении перед *e* и *i* (*y*) буква *s* читается как межзубный [θ], однако эта норма нарушается во всех латиноамериканских вариантах испанского языка, где межзубный [θ] отсутствует. Это диалектное явление называется *seseo*. В результате буква *s* перед передними гласными читается так же, как буква *s*, что и отражается в ненормативной орфографии. Например: *Por jugar con una tabla que encuentre muy extraña aparecieron fantasmas. Perdoname Virgencita*. — «Я играл с очень подозрительной доской, и мне явились привидения. Прости меня, Пресвятая Дева». Правильное написание в этом случае — *Virgencita*.

Одна из наиболее распространенных орфографических ошибок в просторечном регистре мексиканского испанского, воспроизводимых в текстах ретаблос, — замена буквы *b* на букву *v* и наоборот. Это обусловлено особенностями фонетики и орфографии испанского языка: эти буквы читаются одинаково в одной и той же позиции, и вследствие неграмотности носители просторечия могут делать неправильный выбор в орфографии слова. Это явление хорошо прослеживается в одном из текстов: *Estava yo muy desesperado porque me havian corrido de mi trabajo y no savia como iba a mantener a mi familia, entonces se me ocurrió vender tacos por las noches y me encomendé a San Judas Tadeo para que me sonriera y gracias a su divina ayuda me está yendo muy bien y ya tengo muchos clientes. Bendito sea*. — «Я был в отчаянии, потому что меня уволили с работы, и я не знал, как мне содержать свою семью. Тогда мне пришла в голову идея продавать такос по ночам. Я вверил себя Святому Иуде Фаддею, чтобы у меня всё получилось. Благодаря его божественной помощи дела у меня идут хорошо, и теперь у меня очень много клиентов. Благословен будь». Здесь мы видим *estava* вместо *estaba*, *havian* вместо *habían*, *trabajo* вместо *trabajo* и *savia* вместо *sabía*. Кроме того, отсутствует необходимое графическое ударение в формах глаголов. При этом отсутствие системности в заменах *b* и *v* — форма глагола *iba* написана правильно — доказывает, что это именно орфографическая ошибка произвольного характера.

Плохое владение испанской орфографией приводит носителей просторечия к гиперкоррекции, при которой правильное написание заменяется на неправильное, если звуки не различаются в произношении, но буквенный состав слова различен. Это касается диграфа *ll* и буквы *y* перед гласной, которые в просторечии читаются одинаково — как [й]. Гиперкоррекция в этом случае заключается в ошибочном написании диграфа *ll* вместо *y*. Рассмотрим пример в фрагменте одного из ретабло: *El gato tiro una maseta que le callo en la cabeza.* — «Кот толкнул цветочный горшок, который упал ей на голову». Написание *callo* соответствует форме глагола *callar* и означает «промолчал». То, что горшок упал (*cauyó*), может быть понято только из контекста и картинки. Кроме того, в написании слова *maseta* допущена еще одна ошибка. Правильное написание — *maceta*.

Приведем примеры лексических реалий и мексиканизмов в текстах ретаблос.

Имена собственные святых, по канону упоминаемые в каждом ретабло, представляют собой особую задачу для переводчика. В испанском языке (и в европейских языках в целом) сложилась традиция называть святых именами, не отличающимися по форме от имен собственных обычных людей. При передаче на русский язык этим формам имени соответствуют канонические варианты, например, имя *San Francisco* по-русски передается как *Святой Франциск*, *San Miguel* — *Михаил Архангел*.

С другой стороны, горячая вера порождает тесные личные связи верующего мексиканца-католика со святыми. К святым часто обращаются с уменьшительной формой имени. Дева Мария называется *Virgencita*, Апостол Иуда Фаддей — *San Juditas*. Поскольку такое выражение личного отношения к святому практически отсутствует в русской традиции (исключение — *боженька*), попытки передать ласкательное коннотативное значение имени святого по-русски приводят к неоднозначному результату: *Святая Терезочка*, *Святой Иудушка*.

Вот, например, девушка посвящает ретабло Святому Иуде:

«Благодарю, мой Святой Иудушка, за то, что я выиграла в лотерею поездку в Канкун. Лили Кастильо». Уменьшитель-

но-ласкательный суффикс *-it-* присоединен к имени собственному святого *Judas*. Использование притяжательного местоимения *mi* с именем собственным также является признаком просторечия; такие формы обращения распространены не только в Мексике, но и во всей Латинской Америке.

Широко известен такой мексиканизм, как *марьячи*. Марьячи — это уличные музыканты; они поют и играют на скрипках, трубах и гитарах. Ансамбли марьячи часто нанимают для участия в свадьбах, крещениях, похоронах и т. д. Обычно марьячи одеваются в традиционном стиле: их наряды состоят из сомбреро, пояса, широкого банта, коротких сапог, брюк и жакета с вышивкой:

На этом ретабло изображены марьячи, один из которых начал злоупотреблять текилой. Его товарищи собирались выгнать его из ансамбля, но благодаря заступничеству Святой Варвары дали ему шанс на исправление.

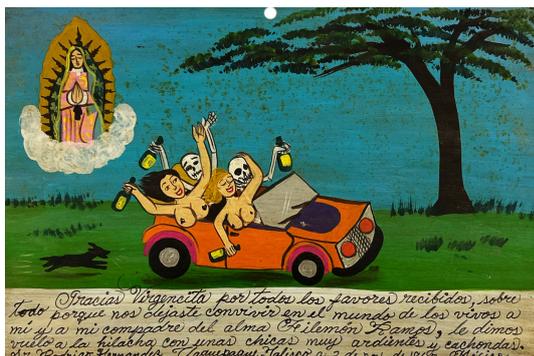
Сниженный стилистический характер носят многочисленные просторечные лексические и фразеологические единицы, например *correr de trabajo* — выгнать с работы, *volador* — летун. Вместо нейтрального *padres* (родители) используется просторечное слово *papás*. *Viejo/vieja* — букв. «старик/старуха» — применяется по отношению к родителям как просторечие во многих других языках (включая русский) и национальных вариантах испанского языка, но в Мексике чаще обозначает мужа/жену вне зависимости от их возраста. Встречается и просторечное слово, используемое для обозначения алкогольных магазинов: *botillería* — букв. «бутылочная».

«Когда Доминга Руис была дома одна со своими котами, к ней появился грабитель, который угрожал убить ее, из-за

чего она воззвала к Святой Терезочке, которую она благодарит с горячим благоговением за то, что ее коты ее защитили, а грабитель убежал, как следует потрепанный. Пуэбла, 1920». Просторечная лексема *fregado* представляет собой причастие от глагола *fregar* — мыть, тереть, чистить мочалкой. В этом случае метафора совпадает с метафорой, лежащей в основании русского просторечного выражения *начистить рожу*.

Фразеологизм *pasar la mano a alguien* из текста ретабло про марьячи-пьяницу буквально означает «рука у кого-либо перешла». В просторечии он применяется в значении «рука дрогнула, промахнулся», например, когда кто-то пересолил еду — «у него рука дрогнула». В описании алкогольных возлияний этот фразеологизм означает «перебрать».

«Спасибо, Богородица, за все полученные милости, особенно за то, что позволила нам с моим закадычным дружкой Филемоном Рамосом провести время в мире живых. Мы оторвались с горячими сексуальными девочками. Сеньор Родриго Эрнандес. Тлакепаке, Халиско, 2 ноября 1965 г., Мексика».

Тема этого ретабло — один из важнейших лингвокультурных феноменов Мексики: День мертвых. Он отмечается каждый год 2 ноября. Считается, что в этот день души умерших возвращаются в мир живых, чтобы увидеться с родными и провести день так, как они это делали при жизни. Красочная народная традиция Дня мертвых, результат контаминации индейских верований и католицизма европейцев-колонизаторов, породила многочисленные ритуалы и мифические фигуры *calacas* — скелетов, вылезающих из своих могил и иногда пугающих живых, но чаще, как в этом ретабло, предающихся всем радостям жизни живых. Распространенный мексиканский фразеологизм просторечного характера *dar vuelo a la hilacha* буквально означает «оторвать и выбросить нитку, торчащую из одежды». Применяется для обозначения бурных проявлений радости жизни, всяческих излишеств, особенно сексуальных. Интересно, что лежащий в основе фразеологизма образ соотносится с метафорической основой русской жаргонной просторечной лексемы *оторваться*, применяемой в том же значении «бурно веселиться, проводить время на вечеринке».

На словообразовательном уровне в мексиканском просторечии распространены суффиксы субъективной оценки. Усилительный суффикс *-ón* обычно придает слову положительную окраску, например *muchachonas* — (красивые, хорошие) девушки, *buenona* — милашка. Уменьшительно-ласкательные суффиксы *-it-* (*cafecito* — чашечка кофе) и *-ill-* (*platillos favoritos* — любимые блюда) могут присоединяться

не только к именам существительным и прилагательным, но и к словам вообще любых частей речи, включая глаголы, причастия и местоимения. Сами ретаблос мексиканцы часто ласково называют *retablitos*.

Суффикс *-azo* имеет несколько значений. В просторечии часто применяется для обозначения усиления, увеличения, высокой степени проявления признака:

«Ракель Гарсия оделась на вечеринку чудо-женщиной и подцепила классного красавчика. Этим ретабло она демонстрирует свою благодарность Святому Антонию за удачу». Просторечное слово *galán* означает «красивый, интересный мужчина; красавчик; ухажер, хахаль». Ухажер Ракель — не просто красавчик, он *galanazo* — супер.

На морфологическом уровне в просторечных текстах ретаблос встречаются прежде всего грамматические ошибки. Например, двойное личное окончание при образовании формы 2-го лица единственного числа простого прошедшего времени (*Preterito perfecto simple*): *Mucha suerte me distes Virgen de Guadalupe al ganarme un viaje a Veracruz en una rifa del sindicato. Angela Matus.* — «Большую удачу ты послала мне, Дева Гваделупская, когда в профсоюзной лотерее я выиграла поездку в Веракрус. Анхела Матус». Форма 2-го лица единственного числа *Preterito perfecto simple* глагола *dar* — *diste*, где *-iste* — окончание. В тексте к этой форме присоединено еще одно окончание 2-го лица единственного числа: *distes*.

«Когда Кастуло Родригес шел на поле, появилась летающая шляпа с двумя инопланетянами, которые собирались связать меня, как свинью, но я воззвал к тебе, и ты меня освободила. Нопальтепек, 1924».

В этом тексте глагол *librar* — освобождать в Pretérito perfecto simple написан с тремя ошибками. Нормативная форма — *libraste*, однако в этом случае, кроме двойного личного окончания 2-го лица единственного числа и замены *b* на *v*, присутствует еще опущение согласного звука [s] в положении перед следующим глухим согласным, что также характерно для просторечной фонетики.

Другое явление, *laismo*, встречающееся в текстах ретаблос, представляет собой нарушение морфологической нормы в системе личных местоимений. В нормативной грамматике испанского языка в дательном падеже не различаются родовые формы *ему/ей, им* (мужской род) / *им* (женский род). Используются формы *le* для единственного числа и *les* для множественного числа. При *laismo* используются разные формы для местоимений мужского и женского рода: *le, les* — для мужского рода, *la, las* — для женского: «...Su patrona la pintora Frida le regalo su aparato para que oiga su musica. — «...Ее хозяйка, художница Фрида, подарила ей свой аппарат, чтобы слушать музыку». Правильная форма местоимения в этом случае — *le regaló*.

Нарушение грамматической нормы при образовании неправильных причастий заключается в унификации всех причастий по модели правильных. В следующем ретабло употреблено причастие *rompido* от глагола *romper* — рвать, ломать. Правильная форма этого причастия — *roto*.

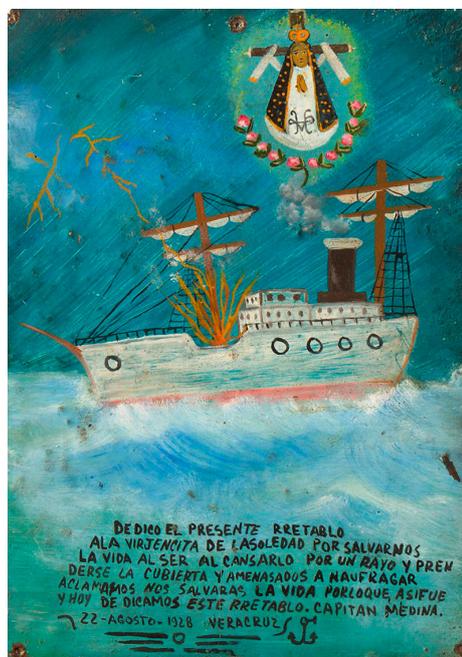
«Когда Сирило Каньете был в забегаловке, он почувствовал, что у него кишки рвутся от сильной боли, которая даже заставила его орать. Он приносит бесконечные благодарности Святому Фаддею за то, что он выздоровел, когда покакал. Пуэбла 1915».

Здесь также присутствуют многочисленные орфографические ошибки: опущение на письме немой буквы *h*: *asta* вместо *hasta*, *aser* вместо *hacer*, *iso* вместо *hizo*; seseo, отраженное в словах *aser, iso, gracias*. Глагол *chillar* — визжать, орать — носит просторечный характер. Лексема *pulcata* представляет собой пример словообразовательного просторечия. *Pulque* — это мексиканская кактусовая водка низкого качества, дешевый напиток, в отличие от текилы и мескала. Название заведения, где подают пульке, образовано с помощью просторечного суффикса *-ata*. Официальное название этих заведений образуется с помощью стилистически нейтрального суффикса: *pulquería*.

Еще пример распространенной грамматической ошибки, касающейся образования форм неправильных глаголов:

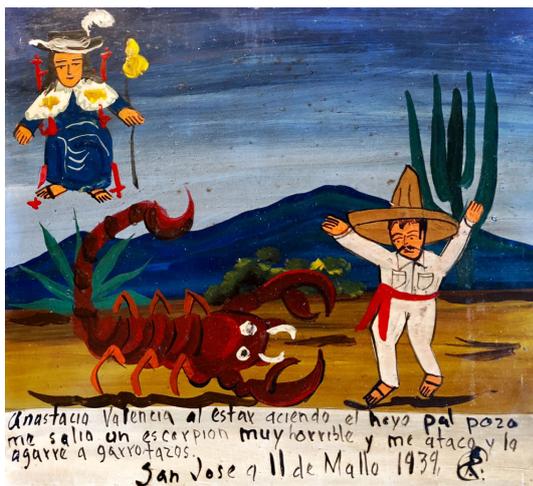
Yo Sonia Hernandez doi gracias que mi marido Pablo Reyes aiga visto con vuenos ojos mi relacion con mi amante el marciano y asi podemos vivir felices los 3 un vonito Amor. CDMX 2020. — «Я, Соня Эрнандес, благодарю, что мой муж Пабло Рейес благосклонно отнесся к моим отношениям с любовником-марсианином, и мы можем все трое счастливо жить в прекрасной Любви. Город Мехико, 2020». *Aiga* носителями просторечия используется как форма неправильных глаголов *hacer* и *haber*. Грамматически корректно здесь использовать форму *haya visto con buenos ojos* (букв. «посмотрел хорошими глазами»), где *haya* — вспомогательный глагол *haber* в форме Pretérito perfecto compuesto de Subjuntivo глагола *ver*.

Просторечие на синтаксическом уровне часто проявляется в нарушении синтаксической структуры сложного предложения и простого предложения, осложненного оборотом с неличной формой глагола. В следующем примере в части сложного предложения *aclamamos nos salvaras la vida* опущен союз *que* — чтобы.

«Посвящаю настоящее ретабло Богоматери Одиночества за то, что она спасла нам жизнь, когда в нас попала молния и загорелась палуба. Кораблю грозило потопление, и мы воззвали к Тебе, чтобы ты спасла наши жизни, и так и случилось. Сегодня мы по свящаем (sic!) это ретабло. Капитан Медина. 22 августа 1928. Веракрус».

«Когда Анастасио Валенсия копал яму под колодец, вылез очень ужасный скорпион и напал на меня, а я его прибил палкой. Сан-Хосе, 11 мая 1939». В этом тексте наблюдается рассогласованность указания на действующее лицо. С точки зрения грамматической нормы упоминание субъекта действия в составе предложения, содержащего *al*-инфинитивный оборот, предполагает указание на него с помощью местоимения 3-го лица при глаголе-сказуемом: *le salió un escorpion* — на него вылез и напал. Однако для просторечного синтаксиса характерна произвольная смена фокуса зрения и позиции самого говорящего.

Суффикс *-azo* в слове *garrotazo* здесь имеет другое значение, отличающееся от рассмотренного выше *galanazo*: удар тем, что обозначено корнем слова. *Garrota* — толстая палка, дубинка. В этом значении суффикс также продуктивен в испанском просторечии, с его помощью можно образовать любое слово со значением «удар предметом».

В следующем тексте ретабло можно проследить сразу несколько просторечных явлений мексиканского варианта испанского языка: *Estando en la pulquería Inocencio Fernandez ya bien briago de tanto tomar mezcal comenzó a ver a muchas calacas que se le empezaban a acercar y una de ellas le dijo ¿Por qué tan solito? y era la mismísima huesuda que se lo quería llevar. Le da las infinitas gracias a San Miguelito que pudo salir corriendo sano y entero antes de petatearse el merito 2 de Noviembre prometiéndolo ya enmendar camino.* — «Иносенсио Фернандес хорошо набрался мескаля в пулькери, и стало видаться ему множество скелетов. Они подошли к нему, и один из них спросил Иносенсио: «Чего один-одине-

шенек?» Это была сама Костлявая, и она хотела забрать его с собой. Иносенсио бесконечно благодарит Святого Михаила за то, что он смог убежать оттуда целым и невредимым и не помер ровнехонько 2 ноября. Он обещает исправиться».

Мескаль, упоминаемый в тексте, — это мексиканский алкогольный напиток, который делают из сока некоторых сортов агавы. В тексте присутствуют просторечные лексемы: глагол *petatearse* — умереть, склеить лапы; прилагательное *briago* — пьяный, надрвавшийся. Мексиканизм *huesuda* является в Мексике эпитетом Смерти, по внутренней форме он соответствует русскому эпитету *костлявая*. Прилагательные *solito* и *merito* образованы с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-it-*. Этот же суффикс использован в имени Архангела Михаила — *San Miguelito* «святой Михайльчик». Суффикс *-isim-*, который в нормативной грамматике используется для образования абсолютной превосходной степени прилагательных, присоединен к определительному местоимению: *mismísima*. Суффикс вносит оттенок значения «не кто иной, как; тот самый; сам, собственной персоной».

Заключение (Conclusion)

Таким образом, тексты ретаблос, воспроизводящие живую речь мексиканцев, демонстрируют просторечные единицы мексиканского варианта испанского языка на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом.

Тексты ретаблос, как прежних лет, так и современные, продолжают оставаться богатейшим источником лингвокультурной информации. Их систематическое изучение будет способствовать обогащению наших представлений об истории, социальных процессах, искусстве и бытовой культуре Мексики, а также об особенностях функционирования мексиканского национального варианта испанского языка.

Библиографический список

1. Gómez Arzapalo R. A., Juárez Becerril A. M. Hierofanías de lo cotidiano: irrupciones de lo sagrado en la ordinariedad. Análisis de exvotos. México : Senda Libre, 2018. 189 p.
2. Fraser Giffords G. Mexican Folk Retablos. México : University of New Mexico Press, 1992. 216 p.
3. Luque Agraz E. Los relatos pintados: La Otra Historia. Exvotos Mexicanos // Espacio, Tiempo y Forma. Serie VII, Historia del Arte. 2008. Núm. 20–21. P. 181–202. DOI: 10.5944/etfvii.20-21.2007.1482
4. Acosta Ugalde L. E. Exvotos y retablos mexicanos. De los actos de fe al enunciado plástico // Acta Universitaria. 2013. Vol. 23, núm. 6, noviembre-diciembre. P. 43–50.
5. Pertusa I. De lo visual a lo minitextual en los exvotos pictóricos en México: propuesta de un nuevo subgénero de la minificción // Microtextualidades. Revista Internacional de microrrelato y minificción. 2019. Núm. 6. P. 49–63. DOI: 10.31921/microtextualidades.n6a4
6. Lope Blanch J. M. En torno a las vocales caedizas del español mexicano // Estudios sobre español de México. México : Editorial Universidad Nacional Autónoma de México, 1972. P. 53–73.

References

- Acosta Ugalde L. E. (2013) Exvotos y retablos mexicanos. De los actos de fe al enunciado plástico, *Acta Universitaria*, vol. 23, núm. 6, noviembre-diciembre, pp. 43–50. (in Spanish)
- Fraser Giffords G. (1992) *Mexican Folk Retablos*. Mexico, University of New Mexico Press, 216 p. (in English)
- Gómez Arzapalo R. A., Juárez Becerril A. M. (2018) *Hierofanías de lo cotidiano: irrupciones de lo sagrado en la ordinariedad. Análisis de exvotos*. México, Senda Libre, 189 p. (in Spanish)
- Lope Blanch J. M. (1972) En torno a las vocales caedizas del español mexicano, *Estudios sobre el español de México*. México, Editorial Universidad Nacional Autónoma de México, pp. 53–73. (in Spanish)

Luque Agraz E. (2008) Los relatos pintados: La Otra Historia. Exvotos Mexicanos, *Espacio, Tiempo y Forma. Serie VII, Historia del Arte*, núm. 20–21, pp. 181–202, doi: 10.5944/etfvii.20-21.2007.1482 (in Spanish)

Pertusa I. (2019) De lo visual a lo minitextual en los exvotos pictóricos en México: propuesta de un nuevo subgénero de la minificción, *Microtextualidades. Revista Internacional de microrrelato y minificción*, núm. 6, pp. 49–63, doi: 10.31921/microtextualidades.n6a4 (in Spanish)